

Моему другу Филиппу

ИНОЗЕМЕЦ

— Скажи мне, таинственный незнакомец, кого ты любишь больше? Отца, мать, сестру, брата?

— У меня нет ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата.

— Друзей?

— Вы произнесли слово, смысл которого до сих пор от меня ускользал.

— Родину?

— Я не знаю, на какой широте она находится.

— Красоту?

— Если бы она была бессмертной богиней, я был бы не прочь ее полюбить.

— Золото?

— Я ненавижу его, как вы ненавидите Бога.

— Тогда что же ты любишь, странный иноземец?

— Облака... Плывущие облака... там, высоко... Волшебные облака!

*Шарль Бодлер
Поэмы в прозе*

Флорида

На фоне слепяще-синего неба Ки-Ларго чернел иссохший остов какого-то ветвистого тропического дерева, напоминающий жуткого паука. Жозе вздохнула, закрыла глаза. Настоящие деревья, вроде того одинокого тополя на краю луга, у самого дома, были от нее далеко. Она ложилась под ним, упиралась ногами в ствол, смотрела на сотни трепещущих на ветру листочков, наклонявших общими усилиями самую верхушку дерева, которая, казалось, вот-вот оторвется, вот-вот улетит. Сколько ей тогда было? Четырнадцать? Пятнадцать? Иногда она ладонями сжимала голову, припадала к тополию, прикасалась губами к бугристой коре и шептала клятвы, вдыхая неповторимый букет из травы, юности, страха перед будущим и уверенности в нем. В то время она не могла вообразить, что когда-нибудь покинет этот

тополь и, вернувшись десятилетие спустя, обнаружит, что он срублен под самый корень, что от него остался лишь сухой пенёк с пожелтевшими зарубками от топора.

— О чем ты думаешь?

— О дереве.

— Каком дереве?

— Ты не знаешь, — сказала она и рассмеялась.

— Само собой.

Не открывая глаз, она почувствовала, что внутри ее что-то сжалось. Это случилось всякий раз, когда Алан начинал говорить таким тоном.

— Когда мне было девять лет, я любила один тополь.

Она задумалась, почему ей пришло в голову представить себя моложе, чем это было на самом деле. Наверное, чтобы уменьшить ревность Алана. Раз ей было только девять, вряд ли он спросит: «Кого, кого ты любила?»

Наступила тишина, но она чувствовала, что ответ его не удовлетворил, что он о чем-то напряженно размышляет, и на смену ее безмятежной дреме пришло напряженное внимание. Парусина шезлонга облегла ее спину, с затылка никак не могла скатиться капля пота.

- Почему ты вышла за меня замуж?
- Я любила тебя.
- А сейчас?
- Я и сейчас тебя люблю.
- За что?

Это было прологом: первые реплики со-ответствовали трем звонкам в театре — они напоминали своеобразный, установленный по обоюдному согласию ритуал, который предшествовал сцене самоистязания Алана.

— Алан, — тоскливо произнесла она, — давай не будем.

— За что ты меня полюбила?

— Ты казался мне спокойным, надежным американцем. Я это уже сто раз говорила. Я считала тебя красивым.

— А теперь?

— Теперь я не считаю, что ты спокойный американец, но ты остаешься красивым.

— Безнадежно закомплексованный американец, не так ли? Не будем забывать про мою мамулю, про мои доллары.

— Да, черт тебя побери, да! Я тебя придумала. Ты это хочешь услышать?

— Я хочу, чтобы ты меня любила.

— Я люблю тебя.

— Не любишь.

«Когда же наконец вернутся остальные? — думала она. — Возвращались бы поскорее. В такую жару вздумали рыбу ловить. Как только они прибудут, пойдем ужинать, Алан слегка переберет виски, лихо погонит машину, а ночью заснет мертвым сном. Он крепко прижмется ко мне, почти раздавит и, может быть, часок-другой в своем забытии будет мне мил. А на следующее утро он расскажет мне все свои ночные кошмары: ведь у него такое богатое воображение».

Жозе приподнялась и взглянула на белый причал. Никого. Она снова опустилась в шезлонг.

— Их еще нет, — язвительно произнес Алан. — Жаль. Тебе скучно, не так ли?

Она повернулась к нему лицом. Он пристально смотрел на нее. Он и вправду походил на молодого героя вестерна. Светлые глаза, обветренная кожа, прямой взгляд. Простодушие, пусть даже напускное. Алан. Да, было время, она его любила. Но и теперь, когда как следует всматривалась в него, продолжала питать к нему слабость. Однако все чаще и чаще отводила от него глаза.

- Ну что, продолжим?
- Тебя это забавляет?
- Что ты почувствовала, когда я сделал тебе предложение?
- Я была рада.
- И все?
- Мне показалось, что я спасена. Ведь я... Мне было тогда нелегко — ты же знаешь.
- Почему нелегко? Кто был в этом виноват?
- Европа.
- Кто именно в Европе?
- Я уже рассказывала тебе.
- Повтори еще раз.

«Уйду, — вдруг подумала Жозе. — Я должна понять, что это неизбежно. Пусть делает что хочет. Пусть застрелится. Он уже не раз угрожал. И его горе-психиатр тоже говорил, что такое может случиться. Пусть свихнется, как и его чертов отец. Пусть их всех сведет в могилу этот идиотский алкоголизм. Да здравствует Франция и Бенжамен Констан!»¹

В то же время, как ни хотел этого Алан, она не могла представить его мертвым;

¹ *Констан де Ребек Бенжамен Апри (1767–1830) — французский автор психологических романов. (Здесь и далее примеч. перев.)*

мысли о его возможном самоубийстве вызвали у нее отвращение: «Ему для этого нужен будет какой-нибудь предлог, а я не хочу им быть».

— Это похоже на шантаж, — сказала она.

— Ну да, конечно, я знаю, о чем ты думаешь.

— Я не могу уважать тебя, пока ты меня так шантажируешь, — произнесла она.

— А что прикажешь делать?

— Да ничего.

Плевал он на то, уважает она его или нет. Впрочем, это мало ее задевало: она себя ценила не столь высоко. И это в двадцать семь лет! Всего три года назад она жила в Париже, одна или с кем хотела, дышала полной грудью. А теперь вот чахнет в этом искусственном, будто из папье-маше, мирке, возле молодого неуравновешенного мужа, который сам не знает, чего хочет. Она нервно рассмеялась. Он приподнялся, прищурил глаза. Ему не нравился такой смех, хотя иногда он был способен проявлять тонкое чувство юмора.

— Не надо так смеяться.

Но она не останавливалась — продолжала тихо и уже как-то умиротворенно посмеиваться. Она думала о своей парижской

квартире, о ночных улицах, о безумствах юности. Алан встал:

— Пить не хочешь? Смотри, как бы тебя не хватил солнечный удар. Принести тебе апельсинового сока?

Он опустился возле нее на колени, положил голову на ее руку, посмотрел в глаза. То была другая его тактическая уловка: когда он видел, что ревность ее не трогает, он становился нежным. Она провела ладонью по его красивому лбу, обогнула пальцами овал твердых губ, продолговатые глаза и в который раз спросила себя, что же сводит на нет спокойную мужественность этого лица.

— Принеси мне лучше бокал бакарди, — сказала она.

Алан улыбнулся. Он любил выпить, и ему нравилось, когда она пила вместе с ним. Ее об этом предупреждали. Сама она была довольно равнодушна к алкоголю, однако порой ей хотелось набраться до бесчувствия.

— Значит, два бакарди, — сказал он.

Он поцеловал её руку. На них умиленно посмотрела седовласая американка в цветастых шортах. Жозе не улыбнулась ей в ответ. Она смотрела на Алана, удалявшегося

легкой поступью избалованного жизнью человека, и, как это случалось всякий раз, когда он куда-то уходил, к ней подступила легкая грусть. «Но ведь я его больше не люблю», — прошептала она и поспешила закрыть рукой лицо, будто солнце могло уличить ее в неискренности.

Наконец-то возвратившиеся друзья застали их лежащими на песке: Жозе, положив голову на плечо Алана, с жаром обсуждала с ним какой-то роман. Возле них валялось несколько пустых фужеров, и Брэндон Киннел указал на них взглядом. Весьма неглупая женщина, Ева Киннел красотой не отличалась; и она, и ее муж были людьми дружелюбными. Жозе ей нравилась, Алана она, как и Брэндон, побаивалась. Киннелы жили в полном согласии, за понятным исключением тайного безответного чувства, которое Брэндон питал к Жозе.

— Ну и денек! — сказала Ева. — Провести в море целых три часа и поймать какую-то жалкую барракуду...

— Зачем бороздить океаны? — произнес Алан. — Ведь счастье — на песчаном берегу.

Он поцеловал волосы Жозе. Она подняла голову, увидела, что Брэндон смотрит на пустые фужеры, и мысленно послала его ко всем чертям. Алан был в ударе. Она приятно провела время на дивном пляже, и что с того, если в том ей помогли несколько бокалов бакарди?

Жозе прикоснулась к загорелой ноге мужа.

— Счастье — на песчаном берегу, — повторила она.

Брэндон отвернулся. «Кажется, я сделала ему больно, — подумала она. — Он, наверное, любит меня. Странно: я об этом совсем не думала». Она протянула ему руку.

— Помогите мне подняться, Брэндон, от этого солнца у меня кружится голова.

Она сделала ударение на «солнце». Он протянул ей руку. Многие задавались вопросом, почему Брэндон Киннел, походивший на рассеянного морского волка, взял в жены Еву, которая напоминала какую-то букашку. Видимо, это произошло по двум причинам: она была умна, а он робок. Он помог Жозе подняться, та покачнувшись и, чтобы не упасть, прильнула к нему.

— А как же я, Ева? — спросил Алан. — Вы хотите на всю ночь оставить меня

одного на пляже? Вы же видите, что я пьян, как и Жозе. Мы оба наклюкались. Разве она не призналась, что нам было хорошо?

Он лежал на песке и смотрел на них, ухмыляясь. Жозе на мгновение отпустила руку Брэндона, потом решительно на нее оперлась.

— Если тебя от двух рюмок повело, то я тут ни при чем. Я трезва как стеклышко и хочу есть. Я пошла с Брэндоном ужинать.

Она повернулась к нему спиной, забыв о Еве. Впервые за последний год ей пришла в голову мысль о том, что, кроме Алана, на земле есть другие мужчины.

— Он бывает просто невыносим, — прошептала она так, что ее нельзя было не услышать. — Всегда все портит.

— Вам надо уйти от него, — сказал Брэндон.

— Он без меня совсем опустится, то есть я хочу сказать...

— Он уже опустился.

— Пожалуй.

— Но он очень мил, не так ли?

Она хотела возразить, но, поведя плечами, произнесла:

— Наверное, вы правы.

Они не торопясь направились к ресторану. Жозе продолжала опираться на руку Брэндона. Это прикосновение невыносимо, до судорог сковывало его движения, и он даже подумывал, не освободить ли ему свою руку.

— Мне не нравится, что вы пьете, — сказал он слишком громко и чересчур властно. Поняв это, он смутился. Жозе подняла голову:

— Матери Алана тоже не нравится, когда он пьет. Как, впрочем, и мне. Но вам-то что до этого?

Он высвободил руку с покорным облегчением. В кои веки ему представилась возможность наедине перекинуться с ней словом, а он умудрился ее оскорбить.

— Да, конечно, это меня не касается.

Она посмотрела на него. Он шел, слегка размахивая руками, у него было лицо честного, надежного человека. Когда-то она думала, что выходит замуж именно за такого мужчину.

— Вы правы, Брэндон. Простите меня. Но вы, американцы, все помешаны на здоровье. В Европе не так. Я, например, живу с Аланом, но я не могу сказать себе: «Надо

от него избавиться», будто речь идет не о муже, а об аппендиците.

— И все же вам придется это сделать, Жозе, и если я когда-нибудь понадобится...

— Я знаю, спасибо. Вы с Евой очень добры.

— Не только мы с Евой, но и я один.

Он покраснел как рак. Жозе ничего не ответила. А ведь в Париже она любила поиздеваться над мужчинами. «Я постарела», — подумала она. В ресторане почти не было свободных мест. Далеко позади едва виднелись Алан и Ева, которые медленно шли за ними.

И вот они снова у себя дома. В их жилище были три длинные комнаты, облицованные светлым бамбуком и украшенные африканскими масками, соломенными поделками и рыболовными гарпунами — короче, всем тем, что мать Алана считала экзотикой. Хотя Алан очень долго жил здесь в одиночестве, в доме не было его личных вещей. Книги и пластинки они привезли из Нью-Йорка. Никогда прежде Жозе не встречала людей, которых так мало интересовало прошлое. Он смотрел на все лишь ее глазами, причем так очевидно

и откровенно, что порой ей хотелось рассмеяться. Нарочитость их отношений заходила так далеко и он так безнадежно терял свое лицо, что у нее голова шла кругом: ей казалось, что она смотрит плохую пьесу или фильм с неумными режиссерскими претензиями. Но режиссером этой пьесы, этого фильма был не кто иной, как ее муж, и она не могла не страдать вместе с ним, предвкушая неизбежный провал.

Он ходил взад-вперед по комнате, все окна были открыты, и их лица оведал теплый флоридский бриз, в котором смешались легкие запахи моря, бензина и не желающего спадать зноя. Она смотрела, как он вышагивает, и думала, что никогда прежде так остро не ощущала свою непричастность к окружающей обстановке и даже к чьей-то жизни. Никогда она не чувствовала себя такой уязвимой — будто вся она была обнаженным нервом.

— Брэндон в тебя влюблен, — наконец произнес он.

Она улыбнулась. Они подмечали все одновременно. Еще два дня назад она бы посмеялась над его словами и объяснила их манией ревнивца. Двумя днями позже

она посчитала бы его безнадежным слепцом. Но коль скоро они в одно и то же время пришли к этому выводу, она понимала, что не может все обратить в шутку, как поступила бы с любым другим мужчиной.

— Но какие у Брэндона могут быть шансы? — задумчиво произнесла она.

Алан остановился, облокотившись на подоконник.

— Никаких, — заключила она.

— Ну почему, — возразил он. — Красивый, солидный и надежный мужчина. Это, пожалуй, единственный в Ки-Ларго человек, который мог бы составить мне конкуренцию. Его жена умна и умеет себя вести. Он вполне способен отправить меня в нокаут за нанесенное тебе оскорбление. Это истинный джентльмен. Я так и слышу, как он говорит: «Простите, сэ, но есть такие вещи, которые терпеть нельзя, а леди Жозе выше всяких подозрений...» — и так далее.

Он рассмеялся:

— Что ты молчишь? Считаешь, что такого быть не может?

— Напротив, я не вижу в этом ничего невозможного.

— Ты и переспать с ним могла бы?

— Могла бы. Но это мне вовсе не улыбается.

— Ничего, еще захочется.

Он отошел от окна, и в который раз она отметила его склонность к театральности. Он всегда принимал красивую позу, чтобы произнести реплику, потом снова начинал передвигаться по сцене, — казалось, каждое слово он старается подчеркнуть определенным жестом.

Жозе лежала на обитом парусиной диване, заложив руки за голову и прикрыв глаза. Ей хотелось спать, она спрашивала себя, как долго сможет выносить такую жизнь. Тем не менее в глубине души все происходящее ее забавляло. Ведь сегодня она впервые твердо сказала себе: «Пора со всем этим кончать».

— Как бы Брэндон по тебе ни вздыхал, ты не должна делать вид, что ничего особенного не происходит, — продолжал Алан. — Нечего сказать, элегантно ты его подхватила на пляже, оставив со мной бедную Еву. Ты видела, как понуро она смотрела вам вслед.

— Я об этом не подумала. Ты полагаешь...